

9 вечера — в клубе начали появляться первые гости. Сегодня будний день, так что суета началась непривычно рано. Еще не пробило полночь, а первая парковка уже была забита до отказа, поэтому мне пришлось поспешно открывать вторую. Я уже собирался бежать обратно в клуб, но замер, почувствовав вибрацию телефона. Достал его, проверил — сообщение от младшей, Вонён.

□Я в круглосуточном неподалеку□

Растерявшись, я огляделся по сторонам. «Неподалеку» — это где? Вспомнив, что на перекрестке чуть дальше от клуба есть магазин, я бросился туда. К счастью, младшая была там: она топталась у входа, уткнувшись в телефон.

— Вонён!

— Оппа.

Она узнала меня и помахала рукой. На ней все еще была школьная форма — видимо, заглянула по дороге домой после курсов. Было уже почти 11 вечера, поэтому я не смог искренне обрадоваться этой неожиданной встрече. Напротив, я нахмурился и принялся ее отчитывать:

— Ли Вонён, ты почему не дома? Курсы кончилась — сразу в кровать. Зачем ты бродишь в таких местах?

Младшая, которой едва исполнилось пятнадцать, обиженно выпятила губу.

— Но я уже несколько дней с тобой и словом не перекинулась.

Я неловко потер затылок, чувствуя укол вины. Вонён долго жила у бабушки, а после переезда в Сеул ей было очень одиноко. Оно и понятно: бабушка, которая души в ней не чаяла, умерла, и девочка оказалась в совершенно чужом месте.

— Прости. Я на работе, устаю сильно...

Я и сам понимал, что должен уделять ей больше времени. Но когда на твоих плечах двое младших, а ты пашешь по ночам, чтобы их прокормить, на отдых не остается ни минуты. Я не стал ей об этом говорить и начал шарить по карманам.

— Я выскочил буквально на секунду, не могу долго стоять. На, возьми на карманные расходы.

— Не надо, я не за деньгами пришла.

С этими словами Вонён вытащила что-то из сумки и запихнула мне в карман. Это была булочка с кремом.

— Ты же в последнее время совсем не ешь нормально. Скушай хотя бы это.

— Оставила бы себе, ты же их обожаешь.

— Раз обожаю, значит, и отдаю тебе.

Ее щеки покраснелись от холодного ветра. Она выглядела такой рассудительной и в то же время такой незащитной, что сердце сжималось. Родись она в богатой семье, росла бы как принцесса, в любви и достатке. От мысли, что из-за нашей бедности ей приходится так рано сталкиваться с трудностями, мне стало не по себе — будто я сам был виноват в ее судьбе, хоть

я ей и не отец.

— Возьми на такси, доедешь с комфортом.

— Все в порядке. Автобусы еще ходят.

— Не упрямясья, поезжай на такси.

— Не хочу, это дорого. Если бы я собиралась тратиться на такси, я бы к тебе вообще не пришла.

Мы еще немного поспорили, но в итоге я уступил ее упрямству — она твердо решила ехать на автобусе.

— Ладно. Тогда я скажу Вонхо, чтобы он тебя встретил.

— Этот придурок наверняка скажет, что слишком занят своей учебой.

Я легонько щелкнул ее по лбу за такие слова.

— Как ты говоришь о своём оппе?

— Ай, блин!

Вонён схватилась за лоб и сердито буркнула:

— Оппа должен вести себя как оппа. Тебе самому не обидно, что Ли Вонхо только и делает, что сидит на твоей шее?

Когда средний брат, Вонхо, заявил, что хочет в медицинский, именно младшая выступила против активнее всех. Они тогда жутко разругались — она кричала, что с нашими «медными ложками» во рту о медицине и мечтать не стоит, и с тех пор они так и не помирились.

— Вот закончу среднюю школу и сразу пойду работать, — заявила она с видом взрослого человека.

Но именно эта напускная серьезность выдавала в ней ребенка. Я прицокнул языком и покачал головой.

— Даже не думай. Ты окончишь старшую школу, а потом я и в университет тебя пристрою.

— Не хочу. Я быстро начну зарабатывать и избавлю тебя от этих мучений.

— И много ты заработаешь со средним образованием? Чтобы получать большие деньги, нужно учиться, как Вонхо, и поступать в престижный вуз.

— А если я поступлю, что будет с тобой? Ты же совсем состаришься, пока будешь нас тянуть.

Я замахнулся для еще одного щелчка, но она ловко увернулась. Тогда я просто рассмеялся и взъерошил ее короткие волосы. Вонён притворно закричала, мол, перестань, но в конце концов заливисто рассмеялась. Ее смех был чистым и звонким.

Мне хотелось постоять с ней еще, но время поджимало. Боясь, что она пропустит последний автобус, я начал ее подгонять.

— Иди скорее. Я напишу Вонхо, а ты дай знать, как сядешь.

Вонён развернулась, чтобы уйти, и со спины она показалась мне какой-то особенно озябшей. Наверное, из-за того, что она была без пальто. Я снял свой жилет — по сути, просто старое тряпье — и отдал ей. Мы снова поспорили: она отказывалась надевать, я настаивал.

Наконец, нехотя накинув жилет, младшая перешла дорогу и направилась к ярко освещенной остановке. Как раз подошел нужный автобус, и она быстро заскочила внутрь. Я махал ей рукой, глядя в окно, как вдруг за спиной раздался звон колокольчика.

Решив, что кто-то выходит из магазина, я поспешно отошел в сторону. Но шагов не последовало. Подумав, что я все-таки загромождаю проход, я обернулся.

Там стоял человек, которого я никак не ожидал увидеть.

Квон Тэшин. Видимо, ему что-то понадобилось в круглосуточном: он стоял в одной рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами и кардигане, глядя прямо на меня.

— ...

— ...

На мгновение повисла тишина, и я на автомате поздоровался:

— Здравствуйте.

Лицо было знакомым, и я по привычке проявил вежливость. Вряд ли Квон Тэшин знал меня в лицо, но по моей униформе, должно быть, понял, что я из персонала «Зевса». Он прищурился, достал из только что купленной пачки сигарету и зажал ее в губах. Видя это, я рефлекторно полез за пазуху. Правила клуба были строгими: если гость берет сигарету, нужно немедленно поднести огонь.

Но в моем распухом кармане была та самая булочка, и мне пришлось сначала вытащить ее. Переложив помятую выпечку в левую руку, я уже нащупал зажигалку, но Квон Тэшин качнул головой.

— Бросаю.

Я замер. Человек, который «бросает», приходит в магазин специально за сигаретами? Ну, всякое бывает.

— Ах, да... понятно, — я убрал руку из кармана.

Он не прикуривал, просто задумчиво жевал фильтр сигареты.

Тепло, которое оставила после себя младшая, еще не выветрилось. Внутри все еще было так уютно и светло, что я, вопреки своей обычной сдержанности, влез не в свое дело:

— Не стоит это жевать, зубы испортите.

Квон Тэшин не разозлился. С тем же непроницаемым лицом он ответил томно и глухо:

— ...Голоден просто.

Услышав этот едва различимый шепот, я, не раздумывая, протянул ему булочку.

— Если голодны... не хотите ли это?

Стоило мне протянуть булочку, как я заметил, что она безнадежно помялась и даже лопнула сбоку. Сгорая от стыда, я попытался расправить изжеванную упаковку. Крем внутри выглядел неаппетитным комком, и до меня слишком поздно дошло: Квон Тэшин вряд ли станет есть такое.

Предсказуемо. Он лишь коротко усмехнулся и отказался:

— Не стоит.

А затем добавил какую-то странную фразу:

— Это не тот голод.

Разве «голоден» не значит хотеть есть? Я не стал вникать, но и расстраиваться не стал — просто спрятал булочку обратно. Вежливо поклонившись, я развернулся и зашагал в сторону клуба.

Пока я шел быстрым шагом, меня не покидало навязчивое желание оглянуться. Казалось, стоит повернуть голову, и я увижу Квон Тэшина, идущего следом в облаке сигаретного дыма. Ах, точно, он же сказал, что бросает. Значит, дыма не будет.

Без запаха табака от него исходило что-то приятное. Тот самый аромат, что стоял у него в машине. Я невольно принялся, копаясь в памяти. Терпкий, но мягкий... едва уловимый, но глубокий... Что же это за запах?

Этот аромат, дразнящий кончик носа, не был похож ни на цветы, ни на лес. Что-то знакомое и в то же время чужое заставляло кожу покрываться мурашками. Я задумчиво потер переносицу, но так и не смог вспомнить. Даже когда я вернулся в клуб и принялся за работу, стараясь не попадаться на глаза начальнику парковки, этот вопрос продолжал меня изводить. В конце концов я с силой потер нос, пытаюсь силой вытравить этот запах из памяти.

Из-за того, что я отлучился к младшей, начальник парковки ворчал больше обычного. Пришлось бегать без продыху, и только к двум часам ночи, когда поток гостей поредел, я смог наконец перевести дух.

— Фух...

Я уже планировал задобрить начальника, принеся ему чашечку растворимого кофе. Как раз в этот момент он вышел из будки охраны и поманил меня рукой, призывая подойти. Вид у него был озадаченный, если не сказать жалобный.

— Эх, и что теперь делать? Ни один водитель не берется.

Я недоуменно склонил голову, глядя, как он в замешательстве чешет затылок.

— А что случилось?

— Да машина эта, номер 8820. Слишком дорогая, все в отказ идут — боятся за руль садиться.

В нашем клубе услуги трезвого водителя работали не через официальные конторы. Клиенты

просто брали в залог удостоверение личности водителя, отдавали ключи от машины, а после завершения поездки возвращали ему документ и расплачивались. Разумеется, ни о каких страховках и речи не шло. Если, не дай бог, поцарапаешь машину — пиши пропало, оберут до нитки. А учитывая, что здесь сплошь дорогие иномарки, счет шел на миллионы. И все же желающих хватало: никаких комиссий агрегаторам, деньги на руки сразу.

Но пару дней назад один бедолага вписался на чужой иномарке бампером. Ремонт выкатили на десятки миллионов вон. И это не считая счетов из больницы для пассажира и аренды подменного авто. После такого случая водители присмирели и начали за версту обходить чересчур пафосные тачки.

— Слушай, ты все равно скоро заканчиваешь, так что давай сам за руль, — бросил начальник парковки, протягивая мне ключи.

Я вытаращил глаза:

— Что? Я?!

— Да ты эти машины каждый день туда-сюда гоняешь, рука набита. Справишься.

— Сравнили тоже! Одно дело — по парковке проехать, и совсем другое — везти клиента до самого дома.

— И что ты предлагаешь? Вытолкнуть гостя за руль пьяным?

Начальник парковки наседал на меня, буквально принуждая подменить водителя. Когда я попытался отказаться, он пошел на хитрость, соблазняя «сладким пряником».

— Взамен я разрешу тебе взять отгул на выходных.

— Правда?

— Ага. Освобожу тебе воскресенье, проведешь время с младшими. Ты же сам говорил, что даже пообедать с ними некогда?

Я вспомнил сестрѐнку, которая приехала к самому клубу в такой поздний час только ради того, чтобы увидеть моё лицо. Мы годами жили порознь — их оставляли на бабушку, и виделись мы только на каникулах, так что они вполне могли отстраниться от меня. Но нет. Между нами были невероятно теплые отношения. Услышав, что смогу провести с ними выходные, я просто не смог отказаться. Я кивнул и крепче сжал в ладони ключи, которые до этого держал в нерешительности.

— Хорошо. Я поеду.

Я развернулся и направился к стоянке. Шагая к машине с номером 8820 — автомобилю Квон Тэшина, который, как всегда, занимал самое лучшее место, — я подумал: видать, сама судьба велела мне сегодня сесть за его руль, раз уж мы столкнулись в круглосуточном магазине.

Собрав волю в кулак, я сел в салон. Стоило оказаться на водительском сиденье, как в нос ударил его парфюм. Не в силах прогнать этот аромат, я словно окунулся в него с головой. Я подогнал машину к дверям клуба, вышел и стал ждать появления Квон Тэшина.

Из-за позднего часа ночной воздух заметно похолодел. Тело под тонкой рубашкой пробила

дрожь. На мне не было даже пиджака — легкий пуховый жилет я отдал сестре, так что холод пробирал до костей. А Квон Тэшин всё не выходил.

Я уже начал растирать замерзшие предплечья, когда он наконец появился. Дрожа от холода и переминаясь с ноги на ногу, я поклонился ему, когда он в сопровождении официанта подошел к машине.

— Здравствуйте, я ваш водитель.

После этих слов его взгляд замер на моем лбу. Я рискнул чуть приподнять голову и наткнулся на его странный, изучающий вид. Похоже, он узнал во мне того сотрудника «Зевса», с которым столкнулся у магазина. В его глазах читался немой вопрос: с чего это я вдруг заделался водителем? Я коротко пояснил:

— Возникли сложности с поиском свободного водителя, поэтому я подменяю его.

— Хм...

Квон Тэшин продолжал пристально смотреть на меня, словно ждал каких-то еще объяснений. Его многозначительный взгляд скользнул по моему чуть выпуклому лбу, перешел на переносицу (которую вряд ли можно было назвать высокой) и спустился к линии подбородка. Затем он замер на моих плечах, инстинктивно ссутуленных под тонкой тканью рубашки, и на впалой груди. Не понимая, почему он так на меня смотрит, я опустил взгляд, осматривая себя, и вдруг обнаружил крайне неловкую деталь.

Из-за холода мои соски затвердели. Сквозь дешевую тонкую ткань они отчетливо проступали двумя маленькими бугорками, размером с горошину.

Я в испуге вскинул руку, прикрывая грудь. Заметив это, Квон Тэшин издал короткий смешок.

Лишь мгновение спустя меня накрыло жгучее чувство стыда. Я осознал свой жест только после того, как услышал этот насмешливый звук. С чего бы такому человеку, как Квон Тэшин, интересоваться кем-то настолько заурядным? Я явно навоображал лишнего и повел себя глупо.

— ...Ч-что ж, прошу, садитесь.

Делая вид, что не замечаю собственного пылающего лица, я открыл перед ним пассажирскую дверь. В спорткаре задних сидений как таковых не было. Дождавшись, пока он сядет, я быстро обежал машину и запрыгнул на место водителя. Завел мотор и, глядя на автоматически включившийся навигатор, спросил:

— Ехать по адресу, который сохранен как «Дом»?

Квон Тэшин кивнул. Я сделал короткий вдох, взялся за руль и нажал на газ.

Я вел машину так медленно, что само понятие «спорткар» теряло всякий смысл. Время близилось к трем часам ночи, дороги были абсолютно пустыми, но я всё равно дико нервничал — не дай бог куда-нибудь врезаться.

Когда моя езда стала напоминать черепахью, Квон Тэшин, сидевший рядом, зевнул. Он демонстративно широко раскрыл рот, затем закрыл его и вытер выступившие слезы. Заметив это, я прибавил скорость.

В процессе езды на каждом «лежачем полицейском» слышалось, как низкое днище скребет по асфальту. Каждый раз меня прошибал холодный пот, и я начинал горько жалеть о том, что вызвался быть водителем. К счастью, Квон Тэшин, похоже, понимал: катаясь на такой машине по Сеулу, невозможно не задевать дном дорогу. Даже когда снизу раздавался зловещий скрежет, он не проронил ни слова.

После того как время, растянувшееся, казалось, на целую вечность, наконец истекло, я затормозил у одной виллы. Называлось это место «виллой» лишь на словах — на деле же это был элитный жилой комплекс в богатом районе, откуда открывался панорамный вид на Ханган и ночные огни Сеула. Припарковав машину идеально ровно по разметке в паркинге на первом этаже, я пулей выскочил из-за руля и бросился открывать пассажирскую дверь.

Затем, возвращая ключи выходящему из машины Квон Тэшину, я почтительно поклонился ему в девяносто градусов.

— Тогда... доброй ночи.

Я убрал руку, мучительно сомневаясь, уместно ли было такое прощание, но Квон Тэшин почему-то не тронулся с места. Встревожившись, не совершил ли я какую-то оплошность, я осторожно поднял взгляд и столкнулся с ним глазами.

Он стоял в небрежной позе, слегка склонив голову набок, и от него веяло чем-то недобрым. В его взгляде чувствовалось любопытство, приправленное ложкой какой-то необъяснимой враждебности.

<http://bllate.org/book/17248/1615747>